

ОПЕРЕДИВШИЙ ВРЕМЯ

К столетию со дня
рождения
Ромена РОЛЛАНА

ВЫСОКАЯ, худая, сутуловатая, согнутая под бременем неустанный, подвижного труда фигура. Необъятная чаша лба, пылкий взгляд пронзительно всматривающихся глаз, усы, придающие лицу, умеющему быть таким добрым, жесткую суровость. Твердый стоячий воротничок, манжеты, твердые, как у рыцарского панциря. Может быть, он напоминает Рыцаря Печального образа, бессмертного Дон-Кихота — своей старомодностью, аскетизмом, сухощавой фигуры, огнем во взгляде. Такие люди обычно слабы здоровьем, но удивительно сильны духом. Воля делает их могучими и непобеждаемыми даже самой смертью.

Старый мир в годы заката породил удивительно несхожих людей, одаренных выдающимися талантами. Одни, Форды к примеру,

листическая должна перейти в войну гражданскую. Полишинель в «Лилюли» никуда не вел, но не было в ту пору другого произведения, которое с такой силой обличало бы ложь, коварство, злодейство империалистов.

Постепенно одна за другой книги писателя, так полюбившегося своими первыми произведениями, появлялись в нашей стране — и нам раскрывался целый мир представлений, переживаний, раздумий, рождавшихся в чувствительнейшем сердце, в могучем уме великого писателя, хранящего в себе память о многих событиях, образы многих эпох, знания о многих поразительных людях. Книги о Бетховене, Микеланджело, Толстом, увлечение Ганди. Потом произведения для театра — «Драмы революции» и, пожалуй, самая знаменитая из них «14 июля». За ними десяти томный «Жан Кристоф», трагический образ великого художника, гибнущего в среде, не понимающей его и не принимающей его таланта. И следом за «Кристофом» — ошеломляющий жизнерадостностью «Кола Брюньон». Мы воспринимали эти два произведения одно рядом с другим, как вопрос и ответ, как звук и отзвук, как трагедию индивидуальности художника, но не трагедию отчаяния: ведь Роллан и сам из Кламси — той земли, которая породила и его Кола Брюньона, и бессмертный народ его страны.

Ромен Роллан на даче у А. М. Горького. Фото М. Ошуркова.

бросали свои незаурядные способности под ноги капитализма — неумолимого Голема нового времени; другие, рожденные тем же строем, — такие, как Франс, Шоу, Синклер, Ромен Роллан, — могли противопоставить удавам капиталистических концернов, колонизаторских кровососов только самое хрупкое, самое тонкое и невесомое оружие: совесть, мысль. Но произошло чудо, о котором говорили Маркс и Ленин: тончайшее оружие духа стало материальной силой. И великие писатели недавнего прошлого — ведь и Франс, и Шоу, и Роллан были современниками людей сегодняшнего старшего поколения — каждый с трудом, героически освобождаясь от пут идеализма, скепсиса, пессимизма, нашли в себе прозорливость рассмотреть в огне и руинах гражданской войны, потрясшей нашу Родину, прообраз будущего всемирного человеческого сотрудничества. Они нашли душевные силы приветствовать зарю нового мира, поднять голос в его защиту. Они стали не только его друзьями, но и союзниками в борьбе. «В схватке» — так назвал Ромен Роллан одну из последних работ, зачеркнув тем самым собственное определение своей бывшей идейной позиции: «Над схваткой».

И тогда силы Ромена Роллана окрепли многократно: за ним стояла, подирав его, уже не только одна собственная совесть, душевное благородство, пытливая мысль. У народов мира, в их воле, в их действиях, в мудрых решениях коммунистических партий черпал он снова и снова могучие жизненные силы, преодолевая болезни, усталость, возраст. Вспомним бурную деятельность Роллана — борца против фашизма, вспомним Роллана — почетного председателя Интернационального антифашистского комитета, борца за освобождение Тельмана и Димитрова. Силы Роллана гитлеровцы боялись даже тогда, когда он стал их фактическим пленником: они не осмелились тронуть великого писателя, а дом, где он жил во время оккупации, окружили полицейским кордоном. Всей мощи Третьего рейха не хватило, чтобы расправиться с одним старым, согбенным человеком: ведь за ним стояло то, от чего и гитлеровские кровавые псы принуждены были иной раз пятиться назад, рыча и огрызаясь, — память о нем всего мира.

Я ПИШУ эти строки как бы от имени того поколения сегоднешних шестидесятилетних, которое сохранило в своем сердце пожизненную благодарность великому писателю — одному из тех, кто формировал мировоззрение юношей и девушек начала двадцатых годов, жадно читавших речи Ленина, увлекавшихся статьями Луначарского и стихами Маяковского, театром Курбаса и Мейерхольда, «Броненосцем «Потемкинским» Эйзенштейна и мечтавших о скорой мировой революции. Мы тогда сравнительно мало знали о Ромене Роллане, он был значительно менее популярен, чем Франс, Шоу, Синклер. Мы слыхали, что Роллана приглашали приехать в Советскую страну, но он почему-то отказывался — дескать, он только наблюдатель.

Одной из первых пьес Роллана, с которой познакомилось наше поколение, была сатирическая комедия «Лилюли» (в Киеве ее поставили в одном из драматических театров). Украшенная франса Мазерееля, эта пьеса ошеломила нас, вчерашних подростков, переживших гибель своих отцов на фронтах империалистической войны. Роллан говорил нам только о половине того, что мы уже узнали: о том, что война — самое страшное проклятие, сужденное человеческому роду. Он сам не знал того, что уже знали мы: война империа-

Они не понимали, что свой путь в новый мир Роллан в полном смысле слова выстрадал, и именно потому этот путь был так верен и надежен.

Каждый приходил к коммунизму своим путем — Ромен Роллан шел к нему во всеоружии традиций старой западной культуры. И мы, как и нынешнее поколение молодых, с глубочайшим уважением к душевной красоте этого великого человека, преклоняясь перед глубиной его знаний, вчитывались во все новые и новые его произведения. Такие, как многотомная «Очарованная душа», три последних тома которой переступают порог критического реализма и раскрывают перед читателем истину о том, что существующий мир — не идеальный, не созданный страждущим воображением, а самый действительный из всего на свете — страна Союза Советов. Аннет Ривьер — Река — символ развивающейся Жизни, которая неудержимо стремится вперед и входит в новые, прекрасные берега. Мы читали прекрасные выступления в защиту нашей Родины и с чувством глубочайшей благодарности воспринимали его восторженные отзывы о ней. Я напомним некоторые из них. «Сейчас получаешь новое, никогда не испытанное раньше ощущение устойчивости. Перестаешь быть человеком, ходящим по воде», — так говорил Роллан в статье о Ленине, человеке, открывшем и для него новый мир. «Если мир означает «сложить руки», когда будут нападать (прямо или косвенно) на СССР или грабить какую-нибудь часть земли, то я говорю: «Я враг такого мира». А разве можно забыть, что именно Роллан назвал СССР «нашей интернациональной родиной», страной будущего, единственной страной труда?!

ВСПОМИНАЮТСЯ кадры старой кинохроники. Роллан приехал в Советский Союз, радостно встреченный своим давним другом, великим писателем пролетариата, так много значившим в его идейной эволюции, Максимом Горьким. Высунувшись из окна вагона, опираясь руками о подоконник, он не может оторвать своих глаз — теперь таких теплых, таких проникновенно-приветливых — от Алексея Максимовича. Кажется, он видит не только его одного, он смотрит в это время на весь наш народ, на «наших товарищей в СССР», как он называл советских людей.

«Наши товарищи в СССР»! Если эти слова говорил человек, живший в стране, где так смертельно «покоем, жратвой, валюцей», — то это означает, что двести миллионов советских людей тоже считают его своим товарищем. А с ними вместе и другие сотни миллионов честных людей всего земного шара. Роллан отпраздновал свое шестидесятилетие в нашей стране — жест глубоко символический, свидетельствующий о том, что второе рождение великого писателя было связано именно с самым передовым государством его времени.

Ромен Роллан опередил свое время, вернее, опередил развитие своей собственной страны. Если бы не создание советского строя и не мощное развитие мирового коммунистического движения, он, возможный мечтатель, великим утопистом, призывавшим будущее стать настоящим. Но ему удалось дождаться многие великие мечтатели рода человеческого: он увидел жизненное воплощение волновавшей его душу мечты.

Алексей ПОЛТОРАЦКИЙ.
КИЕВ.

381